

Гринеvская И. А. Воспоминания о Вл. С. Соловьеве // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII--XX вв.: Альманах. -- М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. -- С. 407--411. -- [Т.] II--III.

<http://feb-web.ru/feb/rosarc/ra2/ra2-4072.htm>

И. А. Гринеvская¹⁰⁷

Воспоминания о Вл. С. Соловьеве

Что я помню о Владимире Соловьеве? Так мало, что казалось бы, строки эти не могут ничего прибавить к образу этого человека, запечатленного в умах его современников. Строки эти покажут только лишний раз то, что некие люди не своими творениями даже, но одним своим существованием рассеивают лучи своей горячей души во все стороны, в самые отдаленные углы, западают и в самые простые сердца, навсегда приковывают к себе и вечно светят им. Всего одна встреча! Как ее описать? Она была так же мимолетна, как утренний луч, упавший на каплю росы в глубоком овраге.

До того как мне пришлось видеть его, я слыхала, конечно, о нем, хотя и мало читала. Все говорили тогда о Владимире Соловьеве, все знали о нем, даже и то большинство, которое совсем не было знакомо с его сочинениями, как это водится у нас. У нас знают о великом человеке-писателе большей частью все, кроме его творений. Слава человека у нас -- слава его имени и больше ничего. Относительно этого философа и я была почти в числе этого большинства. Я знала больше о нем самом, нежели о его философии. Я слыхала о нем, но никогда не видала его. Раз только шедший со мной знакомый указал мне на севшего на извозчика господина в фетровой мягкой шляпе с большими полями, из-под которых выбивались волнистые, темные с проседью волосы, в широком плаще, по-тогдашнему -- "разлетайке", и сказал: "Это -- Владимир Соловьев". Возница быстро его увез. Шляпа была глубоко нахлобучена на лоб, и поля ее закрывали всю верхнюю часть лица, и в моей памяти остался только оригинальный силуэт нашего философа. Не раз видала я его портреты. Как все, и я восхищалась этим не от мира сего лицом с удивительными глазами. Впервые я увидала его в редакции "Вестника Европы", куда я по совету одного из моих товарищей¹⁰⁸ отнесла одно из первых моих стихотворений, а именно: вольный перевод отрывка из Гауптмана. Привожу эту пьесу:

Кто безмятежно наслажденье
Из чаши жизни жадно пьет,
Кто мысли всякое движенье
Мишурной красоте несет,
Чей взор не орошен слезою
При виде горести чужой,
Чья грудь под страшною грозою
Чужой беды хранит покой,
Кому жестокие страданья
Далеких, близких и родных
Не омрачают час свиданья,
Не нарушают грез ночных --
Тому созвездий мириады
Должны укорами сиять,
И небеса сквозь туч громады
Зловещий отблеск посылать!
Из чаши жизни опостылой
Тот должен горький яд испить
И в сердце друга, в сердце милой
Змею-измену находить¹⁰⁹.

Я отправилась в редакцию журнала, не имея понятия о ее составе. Знала только, что издателем-